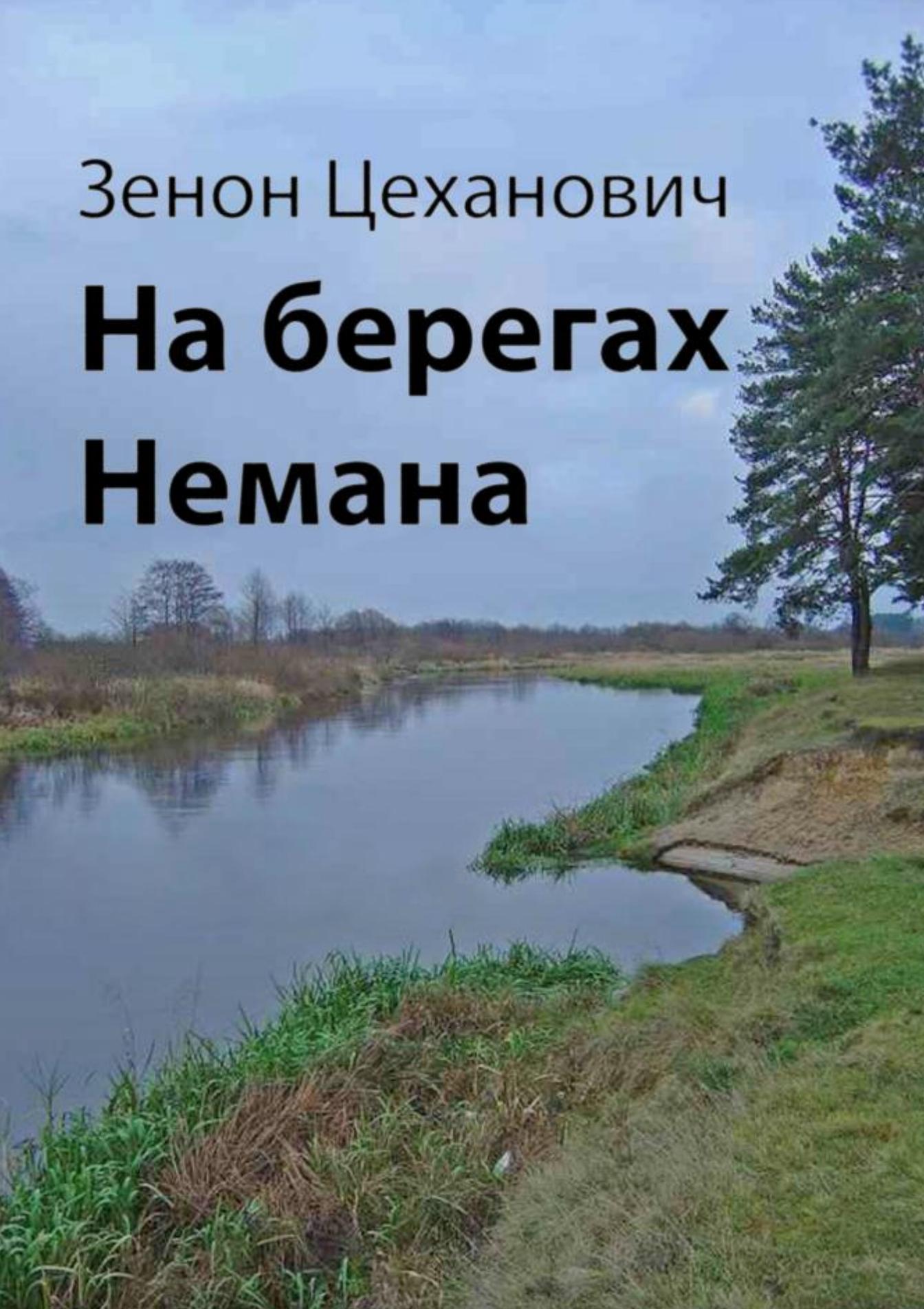

Зенон Цеханович

На берегах

Немана

Зенон Цеханович

На берегах

Немана

На русском языке

Авторские права Zenon Cechanowicz и E-bookowo

Фотография на обложке Александр Русецкий

Проект обложки Витольд Цеханович

ISBN 978-83-7859-868-8

Издательство: Интернетное издательство e-bookowo

Контакт: Wydawnictwo e-bookowo.pl

Все права сохранены, копирование, распространение части или
целого запрещено без согласия издателя.

© Copyright by Zenon Ciechanowicz & e-bookowo

Fotografia na okładce: Aleksander Rusiecki, Stołpce.

Projekt okładki: Witold Ciechanowicz

ISBN e-book 978-83-7859-868-8

Wydawca: Wydawnictwo internetowe e-bookowo

www.e-bookowo.pl

Kontakt: wydawnictwo@e-bookowo.pl

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Kopiowanie, rozpowszechnianie części lub całości
bez zgody wydawcy zabronione

Wydanie I 2017

Предисловие

В этой книге представлена подлинная история польской семьи, которая уже не в первом поколении жила на так называемых Восточных Окраинах. Рассказ начинается под конец 19 столетия, а с героями книги прощаемся в декабре 1958 года, когда еще один железнодорожный состав переезжает через новую границу Польши на реке Буг, вывозит из Земли Отцов следующую группу польских беженцев.

Главный герой воспоминаний – мой отец, после призыва в русскую армию, участвует в первой мировой войне. Он был обязан сражаться не за независимость своей родины, но в рядах армии одного из поработителей. Потом был принуждён пройти через ад плена у второго захватчика когда-то независимой Польши. Непосредственное участие во второй мировой войне счастливо прошло мимо. Однако, наконец, ему судьба сготовила принудительную работу в колхозе, такую же как и всем остальным жителям не только тех окрестностей.

В книге нашлось место и на то, чтобы представить самого старшего участника событий, это значит моего дедушку, показать его безграничную любовь к внуком, огромное уважение к труду и личной собственности, рассказать о неисполнимых мечтах седого, худощавого старичка.

Эта книга является протестом против войны и взаимного убиванию рядовых солдат. Она показывает беспомощность жителей маленькой деревни перед приближающейся линией фронта.

Вспоминая свою молодость и показывая тоску к небольшому кусочку земли, который надо было оставить навсегда, я старался описать его так старательно, чтобы приблизить те картины не только себе, но и будущим читателям. Я тоже старался обратить внимание на согласную совместную жизнь жителей деревни и окрестностей, отсутствие взаимной ненависти и вражеских отношений между ними, но и потом, у меня в школе, связанных с национальностью, религией или мировоззрением.

Не оставим
землю наших предков
(М. Конопницкая)

Вступление

Стимулом написания этой книги были воспоминания долгих разговоров с отцом. Он высказывал свои мысли решительно, с огромным волнением и убеждением, что в них находится правда исторических событий неизвестная молодому поколению. Это длинная история обыкновенного жителя деревни вплетённая в трагические события, которые были характерны для судеб поляков на Восточных Окраинах, начиная с времён господствования царской России, во время первой и второй мировых войн, до советских колхозов.

Отец часто, а согласно мнению все тех же слушателей, может даже слишком часто рассказывал о своей жизни и собственных переживаниях. Воспоминания часто преобразовывались в монолог ненависти к авторам ложной истории, особенно по отношению к временам последних десятилетий. Воспоминания постоянной несправедливости и насилия в окружающем мире возбуждали всё большие и более бурные претензии в адрес коммунистического правительства и превратной пропаганды той ненавистной системы,

которая принудила семью оставить отечество, деревянный дом и песчаные поля обильно политые собственным, солёным потом. В такие моменты лучше было отцу не прерывать и не вводить его на ещё высший уровень негодования. Свои излияния отец часто подытаживал высказыванием, что хотел бы обо всем этом написать, но "... уже рука не такая послушная и голова не такая, как надо".

После таких слов наступала неожиданная глубокая тишина, рассказ был прерван, а лицо отца приобретало каменный вид. Казалось, что этот старший мужчина, вместе со своими мыслями, переносится в давно минувшее прошлое, всё ещё для него более близкое и милое, в отличии от современного мира, всё более непонятного и с каждым днём всё более чужого. Иногда казалось, что наш отец не сказал всё до конца, что какая-то особенно личная мысль осталась у него в глубокой тайне. Может была это скорбь, укрытая в самом сердце, в связи с быстро прошедшим временем, и невозможности возвращения к годам молодости. Всё также как и раньше, у меня перед глазами остается лицо отца и его силуэт, по-прежнему слышу я его голос, помню долгие рассказы. В них чувствовалось какую-то сильную мечту, чтобы те далёкие переживания и мысли остались с нами на более долгий срок. Прошли годы и я понял, что обязан выполнить желание отца и записать на бумаге для других, по крайней мере о тех из услышанных долгих рассказов, которые осталось ещё в моей памяти. Может таким образом сумею выполнить его не высказанное желание - таинственное завещание.

Когда я начал описывать воспоминания отца, тогда неожиданно появилось желание представить свой родной край и собственные, детские и юношеские переживания с времен пребывания в тех местах,

куда так часто возвращаюсь в мечтах и снах. Тех, давно минувших пейзажи вернуть назад невозможно, однако может я сумею по крайней мере частично приблизить будущим читателям исключительную красоту маленького уголка Восточных Окраин Польши в прежних границах, а современной Белоруссии, и ежедневных проблем их жителей в давние времена, на основе рассказов и собственных воспоминаний.

Начиная с 1939 года жители польской национальности безуспешно ожидали возвращения в счастливые времена свободной, довоенной Польши, которая так неожиданно перестала существовать и в те края уже никогда не вернулась.

Смерть наших знакомых и близких переживаем в одиночестве, всегда со скорбью и с жалостью. Права жизни однако сильнее, проходит какое-то время и о тех, которые отошли от нас навсегда, остаётся только иногда заметный, а часто совсем слабый след в памяти даже близки родственников. Проходят годы и воспоминания постепенно исчезают, становится их всё меньше. Следующие поколения, с теми которые отошли туда, куда и мы отойдем, имеют уже только такие же фамилии, а иногда и этого нету. Такая правда закона о бесповоротно проходящем времени и о все новых повторениях молодости в каждой новой любви. То, что время бесповоротно и навсегда уходит, что жизнь человеческая хрупкая и длится на этой земле слишком коротко замечаем только тогда, когда седеют виски.

Не удивительно ли то, что историю своей страны, в большей или меньшей степени, знаем на тысячи лет назад, а о своих непосредственных предках не знаем почти ничего? Ведь они когда-то, также как мы сегодня, жили, работали, терпели и радовались. Это

с их счастья и боли родилась наша жизнь. Кто из молодых помнит, как звали его прадедушку..., прабабушку... кем они были...?

Наш отец очень часто повторял "... так долго жил я на этом свете... очень долго". Он прожил 96 лет в полном сознании и в хорошем здоровье. Часто повторял, что "уже должен отойти в вечность, это значит туда, куда уже отошли все его сверстники". Твердил, что теперь совсем другое поколение, а для него уже на этой земле места нету. Не легко было угадать, повторял он это серьёзно или в шутку. Всегда во время прощания, когда я уезжал к своему новому месту жительства, в последний момент спрашивал, когда снова приеду.

Только один раз, уже на дворе, во время прощания я услышал совсем другие слова - "... мы уже больше не увидимся..." Это были последние слова отца, которые я слышал. В его глазах были слёзы, а ведь во время всех предыдущих прощаний я их никогда не видел. Так окончилось для меня общение с человеком, который был образцом честности, трудолюбия и преданности семье.

Рассказ свой я начну с детских лет отца. К более далёкому прошлому к сожалению возвращения нету. Отец что-то рассказывал, что наша семья имела своих предков на Литве, что его дедушка или прадедушка прибыл в нашу деревню в должности лесника с князем Радивиллом. Однако более близких подробностей я не знаю. История здесь оборвалась и вероятно навсегда.

Жизнь каждого поколения была и будет связана и сплетена с историей страны, историей родной земли. Глобальные события в решительной степени повлияли также и на судьбы нашей семьи. На сколько сумею, постараюсь это представить.

Глава первая

Вспоминаю свою деревню и самые молодые годы отца.

О детства уголок мой милый!
С тобой расстаться я не в силах.
Якуб Колас

Возвращение к прошлому, к годам которые миновали, это без сомнения особенная черта людей старшего поколения. Сравнительно медленно, но постоянно я тоже приближаюсь к тому возрасту когда всё больше начинаем жить воспоминаниями, а картина будущего сокращается стремительно, в слишком большом темпе. Быть может только тогда, когда нам прибывает лет, начинаем понимать, что мы не в силах передвинуть границу нашего короткого пребывания в реальном мире, а срок этот кто-то назначил нам индивидуально и от него никуда не уйдём. Попытка изменить его на более долгий остаётся навсегда только не дающейся осуществить мечтой, о которой люди задумывались уже много лет перед нами.

Приходит срок и всё кончится, но только тогда, когда наш возраст превысит какую-то черту, начинаем понимать, что это жестокая действительность касается тоже и нас. Таких фактов в годы молодости понять не умеем. Может, так должно быть. Может

возвращение к прошлому и переживание сызнова того, что давно прошло, не только успокаивает нас и даёт возможность опять почувствовать тепло солнечных лучей с тех далёких лет, но может прежде всего это омолаживает нашу душу и тело.

Наш отец, ещё по-прежнему энергичный, помнивший детально всё со своих молодых лет, умеющий с большим воодушевлением рассказывать о прошлом, видимо понял всё это очень давно. Может именно поэтому садился он иногда выгодно на стуле, брал карту в руки, а потом не замечая никого рядом, забывая про сегодняшний день, проводил много часов одинокий, задуманный. Чаще всего это случалось в праздники и выходные. В это время он мысленно переносился в годы молодости и возвращался к тем дням, которые давно миновали. Никто не мог увидеть того, что видели неподвижные глаза уже немного поседевшего старичка, с очками на носу.

В такие моменты он находился далеко от своего родного дома и сегодняшнего дня. У него перед глазами, на карте находились какие-то точки, разные другие обозначения, более толстые или тонкие линии, но он видел там сёла и города, а может реки и дороги с колоннами марширующих солдат или мокрые, холодные окопы. Видел там тоже себя, может голодного, может утомлённого, но всегда верующего в свою путеводную звезду.

Мне не надо заглядывать ни на какие карты, чтобы свободными мыслями вообразить за восточной границей Польши контуры современной Белоруссии, государства, которое только недавно начало существовать самостоятельно. Без затруднения нахожу его столицу - город Минск. На запад от Минска, на расстоянии

около 150 км. находится второй большой город - Барановичи. От одной точки ко второй летит чёрно-белая линия. Так на картах обозначают железную дорогу.

В половине дороги с одного города во второй, прямую линию железной дороги пересекает голубая лента воды - это Неман. К северу от железной дороги и к востоку от реки находятся Столбцы. Так легко найти эту точку на каждой карте. Так часто, во время урока истории или географии, когда большая карта с этой территорией висела на доске или на специальной стойке, я смотрел с упором на это место. Не может быть, что уже тогда чувствовал, что пройдут года и сюда смогу возвращаться только в мыслях и мечтах.

На расстоянии почти трёх километров от центра города, рядом с песчаной дорогой в южном направлении, в давно миновавшем прошлом, появилась маленькая, спокойная деревня. Со всех сторон вокруг ней находился лес, насыщая воздух запахом ёлочных шишек и сосновой смолы. В дуновениях западного ветра прилетала в деревню освежающая влага с прозрачной воды Немана и постоянно испаряющихся болотистых лугов.

Это моя родная деревня. Здесь родились мои братья, а ещё раньше начали свою жизнь родители и более далёкие предки. Именно сюда ведут меня чаще всего личные таинственные мечты и воспоминания.

Однако, пока я перенесусь мечтами снова на переполненную песком улицу и к дому своих родителей, я должен сделать прогулку по городу. Без особого усилия, я восстанавливаю перед глазами виды каменной мостовой на улицах и деревянные одноэтажные домики нашего города. Всё, что видел когда-то в годы далекого, счастливого

детства и беззаботно молодости не поддавалось забвению, все это остались со мной навсегда. Короткая прогулка по дорожному городу и окрестностях вместе с сыном Витоком в 1989 году не сумела сменить в памяти всего того, что туда проникло в годы молодости.

Столбцы. Маленький городок. Несколько улиц. Большой вокзал и деревянные, одноэтажные домики, в которых проживало не больше, чем несколько тысяч жителей. Так выглядел любимый город в годы моей молодости. Никто, даже дедушка, не мог сказать, когда здесь появились деревянные домики первых поселенцев. Тогда не было железной дороги и каменных мостовых. Только Неман всё также нёс свои чистые воды с близких лугов и лесов куда-то далеко на север. Где-то там он впадал в огромное море, которого большинство здешних жителей никогда не видело. В юношеские годы дедушки, в городе уже было несколько улиц, но на них был только жёлтый песок. Каменные мостовые появились значительно позже, после первой мировой войны, когда здесь началась власть молодого польского государства.

Дедушка помнил не только эти улицы и деревянные домики. В его памяти осталась тоже высокая, ветреная мельница, которая одиноко стояла на самом высоком месте. Кругом тянулись поля переполненные камнями, тогда деревенские труженники - крестьяне обрабатывали их деревянными сохами и точно такими же боронами.

Доброжелательные ветры постоянно дули над этой возвышенностью. Не встречая никаких преград, они упорно и старательно толкали большие четырех-крылые плоскости, принуждая их к вращению. Сложные шестерни обеспечивали передачу оборотов на круглые, тяжёлые камни, которые вращаясь монотонно,

переполняли ветряк однородным, басовым гулом, а одновременно мололи твёрдые зёрна пшеницы или жита на белую, пушистую муку. Уже не нужны были ручные жернова, в которых так хорошая мука никогда не получалась. Уже не надо было вращать вручную тяжёлые, большие камни.

Однако, это далёкое прошлое. Но уже в те годы, Столбцы были больше от моей родной деревни - Окинчиц. Дедушка иногда повторял услышанный от старших рассказ о том, как сотни людей с окрестных деревень с конными подводами приступили к строительству большой насыпи, рядом с городом. Она разрасталась в одну и другую сторону, далеко на восток и запад, наподобие, не имеющей ни начала, ни конца долгой, широкой ленты. Наконец подравняли её поверхность и начали укладывать поперёк короткие толстые брёвна, которые кто-то назвал шпалами. Такого способа строительства дороги ещё никто и никогда не видел. Никто тоже не понимал руководителей этой удивительной стройки, называемых инженерами, что здесь будет железная дорога.

Ещё более удивлённые, так молодые строители, как самые старые и опытные, услышали новое слово и первый раз в своей жизни увидели длинную стальную балку, называемую рельсом. Не доверяя своим глазам, они нежно трогали её своими твёрдыми, от постоянного труда, ладонями, а потом укладывали одну за другой, в двух параллельных рядах. Наконец укрепили гайками к шпалам и построили железнодорожный путь. Уже скоро без лошадей и волов, по блестящим стальным рельсам покатались тоже стальные колёса тяжёлых вагонов. Дедушка ещё рассказывал, что первый паровоз притянули в Столбцы именно волю с какого-то второго города

расположенного где-то севернее, говорил о какой-то "Сеняве". Столько лет прошло - может это он, а может я что-то перепутал.

Не сумеем мы уже теперь восстановить историю нашего города. Короткие рассказы с детских лет дедушки останутся тайной навсегда. Вот только жалко, что внуки занятые своими более важными делами - как это им тогда казалось, - не хотели внимательно слушать его рассказы.

Столбцы в междувоенные годы - это типичный городок на окраинах Польши, в котором жило сравнительно много евреев, которые занимались преимущественно небольшим купеческим промыслом. На восточных окраинах города именно тогда построено новый вокзал и новое депо. Добавили новые пути. Перед восточной границе государства разрослась совсем большая станция. Работа на железной дороге стала самой уважаемой, железнодорожники пользовались большим почётом.

К северу от путей, против вокзала, разъезженный песок со стороны соседней деревни заменялся каменной мостовой и тротуаром для пешеходов. Здесь начиналась самая длинная улица нашего города. Осталась ли она такой до сегодняшнего дня? Знал я хорошо эту улицу ещё в годы своей молодости. После окончания войны она называлась социалистическая и вела на запад. Уже само название, без каких-то других аргументов было достаточным доказательством благосостояния, какое обеспечила новая власть жителям города и соседних колхозов.

Здесь, против вокзала, находился магазин с продовольственными продуктами. Ожидали мы перед ним в долгой очереди на хлеб, надеясь что сумеем купить по-крайней мере один. В

центре города тоже находился магазин с вывеской "Продовольственные товары". Там тоже иногда "давали" хлеб. От одного магазина к второму, надеясь купить это недоступное лакомство, бежали мы обязательно по этой главной улице, по узкому тротуару построенному ещё перед войной. Как мы мечтали тогда, чтобы получить возможность снова вдыхать запах ароматической чёрного ломтика хлеба и выполнять рот самым вкусным съедобным.

Уже скоро, с левой стороны рядом с тротуаром появлялся прочный широкий фундамент из красного кирпича. Над ним высился ряд квадратных столбов сделанных в такой-же способ. Стояли они в одинаковом расстоянии один от второго, будто часовые на страже какого-то важного объекта. Толстая железная изгородь, растянулась от столба до столба и отделяла улицу от территории с другой стороны.

За оградой находился ровный плац покрытый гравием и стояли там трёхэтажные дома, оштукатуренные на жёлтый, кирпичный цвет. Он не менялся и оставался таким же уже несколько лет. Не влияли на него солнечные лучи, проходящее время, осенние дожди и снежные метели. Всё это резко отличалась от остального города с одноэтажными, деревянными домиками, так характерными для наших окрестностей.

Перед 1939 годом рядом с оградой гордо прогуливались взрослые. С любопытством поглядывали туда дети. С охотой выбирали этот тротуар молодые девушки, которые иногда приостанавливались и будто случайно поправляли свою причёску. Их взгляд притягивали зелёные мундиры ровно марширующих солдат, которые громко пели на польском языке.

Польские песни. Команды на польском языке. Нет сомнения. За забором находились польские казармы, построенные после того, как страна снова добилась самостоятельности.

Солидные казармы. Громкое пение. Высокие парни в подогнанных мундирах, которые с умением выполняли приказы. Здесь родилось чувство уверенности и стабильности, здесь родилась надежда, что перед жителями города и всей страны долгие годы спокойного труда и благосостояния. Такие были мечты. Была крепкая уверенность, что всё это будет длиться долгие годы.

Начиная с 17 сентября 1939 года никто уже здесь не выдавал и не исполнял приказов на польском языке, никто не пел польских песен. Несколько лет после окончания второй мировой войны на улицах города уже никто не слышал польского говора. Польша сюда не вернулась. Новая власть сменила названия всех улиц. На одной поместила таблички с надписью "улица 17 сентября".

Казармы остались позади. Куда ведёт эта улица? Нет сомнения, что ко второму магазинчику с продовольственными продуктами. Если не было перед ним очереди, то хлеба там тоже не было. Магазинчик находился в центре нашего деревянного города. В центре или вблизи, так как в каждом большем или меньшем городе на территории Польши, тоже после войны, должен находиться католический костёл. Его не надо было искать. Высился над деревянными, одноэтажными постройками, был виден из далека.

В Столбцах, после 1958 года, не увидим нигде высоких башен. Ничего не получится с разглядывания по-сторонам. Однако, уже скоро увидим башни с круглыми куполами. Там находится православная церковь, высящаяся над деревянными крышами

соседних домов. Но где же костёл? Может здесь костёла никогда не было? Должен быть где-то вблизи, ведь родители венчались здесь в костеле. Среди старых немногих фотографий есть и та, на которой мы видим, как они выходят из него.

Костёла не видим и не увидим. Вместо него наш взгляд притянет какая-то удивительная, не застроенная площадка с левой стороны нашей главной улицы. Почему она не застроена? Может давно намечали здесь что-то построить, только не хватило средств? Может существует какая-то другая причина?

Эта площадка была ещё не так давно застроена. Именно здесь находился католический костёл, называемый местными жителями не иначе, как польский, в отличии от православной церкви, в которой молились жители национальности белоруской и не слишком численной - русской. Высокая кирпичная ограда, покрашенная на белый цвет тянулась вокруг этого святого места. Там тоже находились следы какого-то старого кладбища, быть может самого древнего в нашем городе?

Костёл стоял здесь ещё несколько лет после окончания второй мировой войны. Обветшалый, с отпадающей штукатуркой и черепицей, несколько лет служил ещё новой советской власти как магазин зерновых. Потом, в 1957-58 годах был окончательно разрушен, осталось только пустое место. Так всё осталось до 1989 года, когда я посетил свой город. Может на какое-то другое строительство не было средств, а может никто не решился нарушить покой этого места.

(На основании белорусской книги "Память" ISBN 985-11-1312-8 я узнал, что разрешение на строительство Доминиканского костёла

в Столбцах выдано в 1623 году. В 1645 году был он построен. В 1680 году был ликвидирован монастырь, костёл стал приходским, а в 1865 году был передан православному духовенству. Костёл получил ущерб во время войны в 1915 году, а в 1922 - после того, как был возвращён католикам, начался его ремонт. Не известно сумели ли окончить работы до начала второй мировой войны, но после её окончания здание было только немного повреждено и в 1958 году было взорвано. Столбцы потеряли знаменитый памятник архитектуры и монументально - декоративного искусства в стиле барокко. Не известна судьба картин, которые находились в костеле.) Это большое сокращение сравнительно длинной информации на эту тему.

Здесь я хотел бы повернуть направо, как это делал когда-то со своей мамой, и пойти по тихой боковой улице. Немного снижаясь, расположилась она перпендикулярно к главной. Уже несколько десятков метров дальше замечалось, что с правой стороны начинает возвышаться холм, на котором растут разные декоративные деревья. В каком-то моменте под густой сенью зелёных ветвей появляется широкая, каменная лестница с тяжёлыми, тоже каменными перилами. Поднимаясь ярусами вверх, она приглашает к далёкому входу внутрь православной церкви. Церковь, в отличие от костёла, не была разобрана и должна служить верующим ещё долгие годы.

Рядом с этой второстепенной улицей, на которой окончился тротуар, а начался сыпучий песок, находилось кладбище. Не увидим там теперь следов по крестам и польских могилах. Именно на этом кладбище покоятся кости нашего 82-летнего дедушки и трёхлетнего моего брата.

В те годы, которые я помню, перед оградой кладбища сидел одетый в старые лохмотья какой-то мужик без ноги, жестоко обиженный судьбой. Крупная, густая борода, которая прислоняла ему целое лицо доказывала, что совсем незнакома с помазком и бритвой. Длинные волосы на голове забыли что такое причёска, вода и мыло. Блеском отчаяния светились его глаза, а с губ слетало громкое, церковное пение, мольба о милостыню, подаяние.

Дальше на не малой, ровной площадке находился городской рынок. Кажется, что продавцов там было столько же, сколько и покупателей. Одних от других я не умел отличить. Все они непрерывно куда-то перемещались, толкались, меняли направление передвижения. Видимо иногда, те которые хотели что-то купить находили тех, кто продавал. Мама тоже наконец находила покупателей на несколько яичек, белый сыр, а может иногда и малый стаканчик сметаны. Тогда мы могли возвращаться домой.

Легко снижаясь, главная улица летела дальше. Ещё несколько десятков метров и перед глазами появлялась большая, четырехугольная площадь, вернее всего городской рынок в давние времена. Низкая, длинная постройка, похожая на старый барак, стоял с восточной стороны площади. Была по-видимому построена перед войной и с той поры никто её не ремонтировал. Может серая штукатурка нужна была, чтобы показать предвоенную нищету города и бедноту его жителей.

Давно миновала слава находящихся там пяти магазинов. Перед войной были они доказательством могущества еврейской торговли. Только тогда, в так называемой бедной капиталистической Польше, толстые полки последний раз гнулись под тяжестью самых

разнообразных товаров, точно так, как теперь старые ступеньки, переутомленные временем, под ногами немногих покупателей.

Огромное здание кино с южной стороны площади, символизировало благосостояние жителей города и окрестностей. Именно здесь, ежедневные проблемы с самыми простыми покупками, в почти пустых магазинах, можно было легко заступить осмотром следующего фильма, показывающего самые новые достижения трудолюбивого советского народа или славящего победы его доблестной армии.

В то время, часто можно было услышать и такое: "пшеницу за границу, картошку на вино, а колхознику - кино".

Я вернулся воспоминаниями в центр города. Здесь, как это неоднократно рассказывала мама, перед войной, шла так называемая процессия в праздник Божьего Тела. В советские времена, в связи с праздником Первого Мая, площадь выполняли взрослые и ученики участвуя в обязательных спонтанных демонстрациях, поддерживающих политику партии и власти.

Спокойно и терпеливо стояли мы перед высокой трибуной мужественных вождей. Доклад, усиленный хрипящим громкоговорителем, который висел на высоком столбе, летел над нашими головами. Если бы мы умели слушать более внимательно, то могли бы узнать, что в стране живётся всем с каждым днём лучше, что с каждым утром мы встаём всё более счастливые. В назначенный момент мы громко и весело кричали уррааа! Демонстрация приближалась к концу. В этот день было потом ещё веселее, так как появлялась возможность купить мороженное, если хватило сил

и решительности чтобы дотолкаться к высокой машине, на кузове которой женщина в белом продавала это лакомство.

С западной стороны, площадь граничила со сквером, который уже на первый взгляд не напоминал ничего, что мы видели раньше. Чистые, хорошо удержанные дорожки в тени лиственных деревьев создавали приятное место для прогулок и отдыха. Здесь не могло быть иначе, даже в том случае, если бы весь город выглядел угрюмо. Здесь должно быть приятно и красиво. Однако на аллеях и на стоящих там скамейках не было отдыхающих, улыбающихся людей. Может мешала им огромная фигура с высоко поднятой рукой, стоящая на высоком пьедестале, в самом центре этого небольшого парка.

Аллеи соединялись у памятника вождя революции и творца нового государства всеобщего благосостояния, Владимира Ильича Ленина. Когда мы проходили рядом с этим памятником, то не совсем знали как поступать. Разговор прерывали, наступала неожиданная тишина. Не знаю, боялись ли мы больше ледяного взгляда вождя народа, который так любил детей, или его сегодняшних последователей, которые могли нас услышать и обвинить в том, что не поступаем с достаточным уважением к этому особенному месту.

Значительно веселей было идти дальше. Ещё сто, может немного больше метров и был наш Неман. До этой реки приближались некоторые улицы, покидая пустой центр города и зелёный сквер, в котором не слышалось птичьего пения и детского смеха.

Идя главной улицей, несколько сот метров за казармами я с самой большой радостью повернул бы влево, к югу, несмотря на то,

что там скоро тротуар и каменная мостовая кончились и начинался песок. Здесь находились глубокие колеи. Их сделали и ездили по ним грузовики, но они служили и пешеходом. В каждую сторону, все ходили только правой стороной и никто никому не мешал. Вне колеи был глубокий, сыпучий песок.

С левой стороны, за низкими деревянным домиками, мрачными со старости, неожиданно начиналась небольшая, однако отчётливая возвышенность. Дальше, за забором расположена была ровная, сравнительно большая площадка. Там находилась наша двухэтажная школа. В ту стороны всегда устремлялся взгляд. Большое здание высилось над всеми остальными постройками, на фоне голубого неба и плывущих там белых облаков.

Школа была построена в междувоенное время, когда здесь была Польша. Пожар войны её не уничтожил (а может ее отстроили – не знаю). После того как сменились границы, школа вновь наполнилась мальчишеским гомоном и смехом, начала терпеливо служить новым хозяевам города и окрестностей. Высокое здание с рядами больших окон в белой стене осветлённой лучами южного солнца, по-прежнему выглядело прекрасно.

Своими воспоминаниями я возвращаюсь сюда всегда с большой охотой и направляюсь к югу, за железнодорожный переезд. На середине дороги, так же как и в центре города, опять одинаковые булыжники уложенные тесно, один рядом с другим. Здесь снова каменная мостовая, ещё одно наследие недалёкого прошлого, которое облегчало жизнь крестьянам. Железные колёса тяжёлых телег на таком твердом настиле не погружались глубоко в сыпучем песке летом или осенью в болоте.

Каменная мостовая не доходила непосредственно до низких заборов, за которыми будто срались с землей деревянные, серые домики на небольших приусадебных участках. Начиная с весны, до осени они почти совсем тонули в зелёных листьях вишен и яблоней.

Узкие полосы земли с левой и правой стороны не имели мостовой. Туда, на песок надо было сойти на короткий момент, когда по дороге медленно ехал какой-то случайный грузовик. Там тоже стояла долгая очередь крестьянских подвод, ожидающих перед магазинами зерна. После того как наступили колхозы перед магазинами никакой очереди не было. Советская власть именно этой улице дала новое название "Вылица 17 верасья". По ней мы ходили ежедневно в школу и возвращались домой.

Ещё несколько сот метров и за последними постройками должно показаться широкое голубое озеро, которое неподвижно уложилось среди зелёной травы. Жаркий, сухой воздух менялся на более бодрящий, насыщенный влагой, дающий прохладу в жаркое лето. Приносил её озорной ветерок, который прилетал со стороны далёкого леса, нежно ласкал водяную гладь и создавал на ней небольшие волны. Отражались в них весело солнечные лучи, а тихий, монотонный шум подтверждал, что волны пытались вскользнуть на песчаный берег.

Вот я снова в мыслях нахожусь на берегу озера, которое образовалось когда высокой плотиной преградили воду небольшого ручейка. Не знаю, имел ли он тогда какое-то название. Задержанная вода выступила из берегов, залила соседние луга. Советская власть осуществила ещё одну социалистическую стройку в последние месяцы нашего пребывания на родной земле. Когда я ходил в школу,

в Столбцы, не было ещё плотины, не существовало озеро. Среди высокой, никогда не кошенной травы, спокойными изгибами плыла реченька шириной нескольких метров. Её воды немного дальше впадали в наш Неман, пополняли его и обогащали.

Направо от дороги находились высокие, широкие прямоугольные насыпи, на которых росла трава и появились разные кустарники. Между ними были не глубокие, мелкие водоёмы. Даже мы, молодые школьники понимали, что слава их давно миновала. Совсем иначе всё это выглядело перед войной. Здесь находились водоёмы для выращивания карпов. После войны сооружения были запущены, оставлены собственной судьбе. Никто здесь рыбным промыслом не занимался. Советская власть такими мелочами не интересовалась, несмотря на голод, который господствовал во всей стране. Если бы кто-нибудь попробовал самостоятельно вернуть прежнее состояние этим сооружениям, то, как враг советского государства, был бы сослан в Сибирь и уже до конца жизни никакие глупые мысли о рыбном промысле не пришли бы ему в голову.

Теперь дорога ведёт по сравнительно высокой, узкой насыпи. Появилась она очень давно и создала возможность переехать из Столбцов в южном направлении, через болотистый низменный луг. На откосе, с правой стороны посадили тогда тонкие ивы, которые теперь стали большими толстыми деревьями, немного наклоненными в сторону болотистой долины. На середине дороги по-прежнему находилась каменная мостовая. Два грузовика как-то там местились, когда они ехали в разные стороны и там встречались.

